18+

1143&1149

Владимир Деркач-Деркаченко

Владимир Деркач-Деркаченко

1143&1149. Как живут бедные американцы?

«Издательские решения»

Деркач-Деркаченко В.

1143&1149. Как живут бедные американцы? / В. Деркач-Деркаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624895-3

Хорошо проиллюстрированные легенды о том, как живут состоявшиеся иммигранты в США известны всем. Но как живут те самые «лузеры» или несостоявшиеся? И необязательно иммигранты. Кто знает, что у них на душе и чего они хотят? Почему они не достигли «Американской Мечты» или её нет вообще? В легкой и юмористическо-сатирической форме автор повествует про жизнь «теремка» неудачников…

ISBN 978-5-00-624895-3

© Деркач-Деркаченко В.
© Издательские решения

Содержание

1143 & 1149 6
Владимир Деркач-Деркаченко 7
1143 & 1149 8
Иммигрантам посвящается… 8
Конец ознакомительного фрагмента. 22

1143&1149
Как живут бедные американцы?

Владимир Деркач-Деркаченко

© Владимир Деркач-Деркаченко, 2024

ISBN 978-5-0062-4895-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1143 & 1149

Copyright © Vladimir Derkach, author and publisher, 2024

All rights reserved. No parts of this book may be reproduced in any form, except for the inclusion of brief quotations in a review, without permission in writing from the author or publisher.

© Владимир Деркач -Деркаченко, автор, издатель, 2024

Воспроизведение всей книги или любой ее части, за исключением использования кратких выдержек из текста при написании обзорных статей, без письменного разрешения автора и издателя запрещено.

Оформление: В. Деркач-Деркаченко.

Владимир Деркач-Деркаченко

1143 & 1149

Иммигрантам посвящается…

«Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.»

Лк. 15:11—32

Не сказать, чтобы идея переезда меня преследовала везде, всегда и поголовно. И не то, чтобы я без Лос-Анджелеса не мог прожить и дня. Но страна трещала по швам, по улицам ходили вооружённые патрули и по всем зомбоящикам рассказывали, что живу я среди такого бесперспективного народа, которого ещё поискать надо! И что, если где-то что-то нашли или открыли, так это непременно случилось в Японии, США или Германии.

Понятное дело, что не только я, но и другие граждане Великой когда-то державы плюнули на свои нехитрые привязанности, продали всё, что можно было продать из подаренного государством и заработанного своим трудом имущества, и навсегда оставили эту палату номер шесть, занимавшую когда-то 1/6 часть суши.

Барахтаться в этой пережёванной публицистами субстанции, обильно выдаваемой на экраны, динамики и страницы сил больше не было. Родная яркая история превратилась в пепел, а зарубежные райские кусссtчи радужно манили. Одновременно, прогрессивное человечество никак на могло дождаться приезда вырвавшихся из советского «рабства» новосёлов. И мы поехали…

Паспорта, билеты, визы, аэропорт, океан и… пальмы. Огромное количество русскоязычных иммигрантов и такое же – документальных проблем. И вот, наконец, бах! и подписание документов на аренду квартиры номер три, или, как это принято писать в Штатах: #3. А точнее, это должно было выглядеть так: сначала имя и фамилия, потом 1143 и номер квартиры, потом номер или название (кому с этим повезло) улицы, тоже не сильно поэтично звучащее, потом название города и штата, потом почтовый индекс, (в нашем случае 90403). То есть, с цифрами в этом серо-зеленоватом поблескивающем долларовом раю всё было очень и очень хорошо. Если бы я тогда, в 1996-м году, увлекался нумерологией, то я бы, без сомнений, насочинял себе и настоящего и будущего, причём в соответствующем и нужном мне русле развития событий.

Например, 11 – это две единички, два индивидуума, которые в два раза сильнее, чем поодиночке, раз уж их сложение равняется двойке. А раз уж эта цифра получилась из-за удваивания, то и сопровождается цифрой 4. А если, всё же отступить на одно действие, то сила 4 теряет в весе на один балл, но становится устойчивым семейным треугольником: 3, подразумевая папу, маму и их ребёнка.

Именно втроём мы и приехали покорять Калифорнию. Номер квартиры, или, как говорят в прогрессивных кругах, апартмента, был тоже три, намекая на всю завершённость действия. То есть: пожил в одной стране, додумался до переезда в другую и, наконец, туда благополучно переехал. Четвёртому Риму, как говорится, – не бывать! Вот так непросто разливаются потоки энергий в нашем мире и у всего есть причина и цель. И, как говорили люберецкие мальцы времён перестройки: «даже овцы в тулупах».

Каким-то чудесным образом в этом мире оголтелого капитализма, где человек человеку – lupus est, добрые люди поспособствовали, и посодействовали, и нашли нам жильё. Кто же мог

предположить, что в ИХ Америке для съема жилья нужно заполнять кучу анкет с личными данными, типа: как зовут, где работаешь и сколько получаешь и, если повезёт, договоров, где прописаны твои права и обязанности, но больше ограничения. Особенно поражал пункт, ясно раскрывающий перспективы на то, что при неуплате в два месяца подряд жилец будет принудительно выселен из своего гнезда. Можете себе представить уровень абсолютной невозможности обзавестись жильём для молодой безработной парочки с ребёнком, да ещё и без документов. Но Господь, как я понял, видит всё и посылает только такие испытания, которые человеку под силу и только в случае совершенной уже беспомощности забирает с собой.

Поэтому, очень быстро, в этой, тогда жадно бурлящей иммигрантской жизнью Калифорнии, огромное количество постсоветских переселенцев протянуло нам руку помощи и уже через два месяца нашего безнадёжного хождения по адресам с плакатом на стене «FOR RENT» мы вошли в железную калитку 1143. Нас встретил жилец #05 или позже – Вовик.

«Владимир», – представился он. Пожилой, светлый, короткостриженный, с залысинами и в тельняшке. «Туда-сюда, но $500 долларов надо дать. Конечно, хозяин дома – мой друг, но процессу надо помочь. И вот эти $500 долларов сильно помогут. Ну, вы же понимаете!» – развёл он руками.

Да не вопрос! Деньги, конечно, по тем временам были немалые. Но с другой стороны: менеджер дома (управляющий) говорит по-русски. Во-вторых: он – друг хозяина. И, в-третьих: других вариантов у нас не было.

«Пойдём, – говорит. – С хозяином познакомлю».

Вовик #05 медленно направился в сторону апартмента номер три. Он находился на первом этаже, прямо в центре двухэтажного здания. Крыльцо его было достаточно обширным, чтобы можно было вести долгие беседы прямо у двери, не входя в квартиру. Было бы с кем! Я так понял, американцы, народ хоть и улыбчивый, но в дом просто так не пригласят, хоть и все двери в соответствии со строительными нормами открываются вовнутрь.

Пока он восходил на Голгофу наших мучений и звонил в дверь, мы, как просители у земства с картины передвижников, ожидали явления выхода хозяина. Ребёнок наш, мало понимавший всю эпичность события, радостно исследовал ступеньки соседнего крыльца и состояние колёс пристегнутых рядом велосипедов.

Дверь #03 отворилась как-то бесшумно, и из неё появился облечённый, не соврать, в Библейские одежды старик. Это был сефард и первый вопрос, насколько, я помню, был: «Вы евреи?»

«Не так всё однозначно!» – сразу захотелось крикнуть. Однако меня опередил номер ноль пять, который вежливо, но с непререкаемым акцентом заявил, что «они хоть и не евреи, но очень спокойные, талантливые и, самое главное, вовремя платящие люди, и что лучших жильцов ему и подыскать невозможно».

Библейский сефард расцвёл улыбкой.

– Yes, – сказал он. – You will be very happy here! Very happy here!

И как-то мечтательно повёл глазами из стороны в сторону. В одной из этих сторон в поле его зрения попал наш пятилетний сын, явно уставший от разглядывания ржавых велосипедов. Заскучав, он начал покорять лестницу, ведущую на второй этаж. Но лестницу эту он покорял не изнутри, а снаружи. Нормальному русскому мальчику больше нравилась идея испытания и проверки ловкости рук с осознанием того, что падение со второго этажа неминуемо приведёт к ужасным последствиям. Как я потом понял в сравнении с другими нациями, эта черта является характерной и особенной в менталитете русского народа и анекдот про «с моста прыгать нельзя» – является его квинтэссенцией.

И вот, когда ребёнок уже был на полпути к своему потенциально ужасному будущему, его родители услышали слова потенциального ужасного настоящего:

– No!!!

– Нет, – сказал библейский старец, и его лучащийся ореол поблек. – Это ваш ребёнок? Он же может упасть! Я буду выплачивать страховку! No! Я вас не поселю! No!!!

Я был поражен не столько отказом (нам до этого отказывали регулярно и достаточно грубо в течение первых двух месяцев проживания в Лос-Анджелесе), сколько тем, что сефарда взволновал сам факт потенциального падения ребёнка. Получалось, что традиционному молодому русскому родителю не может прийти в голову даже намёк на то, что с его ребёнком вообще может произойти что-то плохое и, уж тем более, что он может куда-то упасть. Но старик жизнь знал и был хозяином не только целого жилого дома на 11 квартир, но и этой самой жизни и поделился своим знанием, за что ему, несомненно, мой земной поклон.

Номер ноль пять поднял руку, как первоклассник, и взял слово. Пока они так взаимодополняюще обменивались своим пониманием акцента в английском языке, я поймал ребёнка за руку и уже больше никуда не отпускал. Этот пятилетний чертёнок вдали представлял собой чистейшего ангела вблизи. Я решил использовать внешность, раз уж она даже в Голливуде играет такую существенную роль.

– Хороший мальчик (Good boy!) – с недоверием произнёс сефард и ещё раз внимательно посмотрел на нашего сына.

Уловив весенний ветерок в настроении хозяина, мы, насколько могли, донесли основную идею, что это – не то, что Вы подумали и сынок, в основном, играет в шахматы, а не штурмует Ваше, или ещё кого бы то ни было, имущество.

«Просто ему понравился вид сверху вашего милого дворика». Последняя фраза его опять напрягла, но как-то ненадолго. Несмотря на свой неприветливый вид он всё-таки был человеком востока и не мог отказать родителям милого лопоухого малыша.

– Им, наверное, надо заполнить анкету? – активизировался номер-05-Вовик, понимая, что иначе его гонорар из $500 уплывает в неизвестном направлении.

– Ну, хорошо, давайте депозит, заполняйте бумаги и готовьтесь к заезду в мой апартмент номер три. You will be very happy here! – опять сказал он. – Я же уезжаю в Иран. Пора на покой! – и запахнул полы несуществующего халата.

Номер ноль пять взял меня под локоть и убедительным голосом произнёс:

– Ну вот, видишь, что значит иметь хорошие отношения с хозяином! Давай деньги и заполняй бумаги. С 1-го августа будем соседями. Добро пожаловать в Калифорнию!

Из окна второго этажа апартмента номер ноль пять высунулась голова пожилой женщины:

– Согласился? – спросила она, вглядываясь в нас.

– Я с ним договорился! – достаточно громко заявил Вовик, почёсывая тельняшку. – Если нужно подшить шторы – то моя жена вам хорошо и недорого сделает.

– Да, да! – поддержала идею женщина сверху. – Я вам и многое другое могу подшить, ушить, перекроить. Обращайтесь!

– Она всему дому обшивает, – заявил Вовик. – У нас из 11 квартиры – девять русских. Все друг друга знают. Мы, например, из Одессы. Поможем, если что!

Точка.… Счастью нашему не было предела. Во-первых: отпала необходимость ходить по объявлениям и унижаться, испрашивая разрешения снять жильё, а во-вторых: начинали мы уже не окружённые холодным незнакомым американским миром чистогана, а нашими согражданами, уже получившими документы и даже выучившими английский язык. Наступал самый важный этап исполнения американской мечты: становление собой. Теперь в обойме новоявленного иммигранта появился ещё один убедительный патрон: место проживания!

Семья номер ноль пять оказалась типичной весёлой одесской семьёй. Говорили они по-русски и прожили в Америке уже целых пять лет. Трудно объяснить ощущение свежего иммигранта, который рискнул остаться в стране и осознал всю неразрешимость проблем как документальных, так и бытовых.

Произнесённая фраза: «мы здесь живём уже три, пять, семь лет» изменяла даже внешний вид собеседника и вызывала взмах крыльев тех самых «бабочек в животе». Это – такое состояние, когда человек вовсе не видит настоящего, но осознает его реальность и вопрос: «а что, так можно было?» наполняет его совершенно беспочвенной, но яркой надеждой, и рождает планы по продвижению к цели.

Надо сказать, что в те сладкие годы утоления жажды свободы, когда советский народ разбежался от немыслимого ужаса физического разноса страны и мозгов, и самое страшное, устоев советской жизни, по всему миру, среди иммигрантов пышным цветом распустилась та самая библейская идея «Да любите друг друга!»

В основном, свежие иммигранты любили своих же. Так было проще и понятнее. Причём, любили как-то необъяснимо, по-есенински безвозмездно и безнадёжно. Все понимали, что как прежде уже никогда не будет, но силы ещё остались и жизнь продолжается. Не то, чтобы они хотели завоевать новый мир, нет! Они хотели закрыть ту глубокую душевную рану, вставить обратно вырванное сердце и восстановить равновесие в своей жизни, теперь исходя из новой точки отсчёта или понимания.

Ведь как ни крути, получалось что все они уезжали не куда, а откуда, и это «откуда» было гораздо более непереносимо, и от него надо было избавиться как от капли горячего воска, упавшего на кожу. Соответственно, ЭТО прошлое они отрывали с плотью и кровью и выбрасывали. А чтобы рана быстрее затягивалась, надо было переводить на что-то стрелки внимания, и чужая беда подходила для этого как нельзя лучше.

Терапевтический эффект был очевиден. Едва пустивший корни в США иммигрант помогал вновь прибывшему прислониться к себе и зацепиться. И вот тогда эта странная сцепка создавала непобедимый тандем. Потом у него очень быстро появлялось третье колесо. Звалось оно «Колесо удачи» и начинало медленно, а потом всё быстрее и быстрее наматывать на себя новые знакомства, порождая новые связи, цели, и как ни странно, довольно эффективные планы по их достижению.

Только спустя десятилетия я понял, почему Горбачёву выдали Нобелевскую премию. Это был «реверанс» за такой щедрый подарок «братскому» американскому народу в количестве 2 000 000 человек. Немудрено, что переселенцы эти, часто с двумя высшими образованиями, с двумя руками и ногами, и худо-бедно говорящие по-английски, с детьми, и готовые работать по 24 часа в сутки, вывели США в середине 90-х годов на очень достойный экономический уровень.

Конечно, «Розочка номер ноль девять» и сосед её, поляк «Саул номер десять», никуда уже эту Америку не выводили, но внимательно следили за всем происходящим во дворе жилого комплекса, или как его называют: патио. Розочка была идеальной инкарнацией одесской бабушки на балконе, хотя всю жизнь свою провела в Ленинграде. Эта культурная прививка столичной жизни сквозила из неё в основном, в виде самоукрашательства, или, по крайней мере, желания привлечь внимание. Причёска её, всегда безупречно исполненная, сразу отправляла собеседника в категорию зрителя программы «Время» или концерта «Конкурса Советской Песни». Тот же властный и одновременно снисходительный взгляд позволял собеседнику не только выговориться, если удавалось, но и получить рекомендацию в ответ. «Розочка номер ноль девять» помнила все концерты и спектакли Ленинграда, начиная с послевоенной поры. Саму Розочку, если уж не помнили и знали, то заходили в гости и Кобзон, и Лещенко, и Пьеха, и Винокур и Хиль. Про какого бы артиста у неё не спрашивали, на каждого у Розочки было досье с подробностями, вплоть до описания черт руки, которой обсуждаемый держал чашку чая за новогодним столом у Розочки.

Если она находила свободные уши, а их на нашем патио было немного, то уж точно не упускала возможности залить их интригующими подробностями, но дозировано, чтобы хва-

тило и на следующий раз. К тому же, будучи родом из культурной столицы, она обладала тактом не мучить собеседника, особенно если замечала, что ему надо идти по делам, или он заскучал.

Сосед её, поляк по происхождению, считал, что день нужно начинать в светлом костюме и, если всё сложится, то и продолжать в нём же. Поэтому, его светлый костюмированный образ медленно передвигающегося дедушки у меня до сих пор ассоциируется с образом отца Розочки, хотя по возрасту они были ровесниками. Он всё время поправлял её и требовал проявления культуры в разговоре, что меня приводило в недоумение, особенно понимая, что Саул разговаривал по-русски с трудом.

Их отношения напоминали отношения супругов: такие себе принципиальные и сатирические. Розочка всегда хотела произвести впечатление хотя бы одеждой, а Саул, хоть и еврей, имел польское образование и воспитание, которые не позволяли ему ничем без повода хвастаться. И все эти блестящие, как светофоры, платья и куртки, купленные в магазине секонд-хенда, очень его раздражали. Однако Саул, хоть и не будучи мужем, весьма гордился своим соседством и своей соседкой.

Всякий раз, когда Розочка замечала кого-то на поверхности патио, у неё всегда появлялся повод с ним заговорить. И поскольку её возраст заставлял людей безоговорочно откликаться, то разговор завязывался легко. К тому же, чтобы не задавать ей вопросы дважды из-за плохого слуха (излюбленный приём пожилых людей), собеседник был вынужден приближаться к лестнице, затем подниматься по ней, завершая, таким образом, идеальный треугольник. Теперь это был почти советский допрос, но добровольный и, что немаловажно, с прекрасным видом на Санта-Монику, один из самых богатых и красивых городов мира.

Розочка задавала вопросы, Саул охал и возмущался их глупостью, но слушал с интересом, не перебивая по причине своего хорошего польского воспитания и плохого знания русского языка. Периодически, после такого пятнадцатиминутного общения, он поднимался со стула и нырял в свою квартиру, выражая своё несогласие по какому-то поводу. Иногда это мог быть тон, которым задавался вопрос, или украшения, полностью покрывавшие руки Розочки, бесстыдно противоречащие её сумме пособия по бедности, получаемого от города. Но она все ещё думала, что жизнь к ней несправедлива и награда запаздывает, но когда-нибудь обязательно её найдёт!

Когда она забывала нужные слова, она начинала жестикулировать руками и таким образом перехватывала ослабевшее внимание собеседника. И если он переключал его на украшения, то Розочка инициировала экскурсию в прошлое, где она знала всех, где все знали её и где блистающий мир художеств не владел определением времени. К сожалению, она не понимала, что закладывала такой жестикуляцией мину в эту вселенную воспоминаний. И она взрывалась, как только начинали звучать ничего никому не говорящие имена советских певцов и актёров. И собеседник, заскучав, придумывал причину, чтобы уйти. Спасибо, мадам, извините, мадам, о нет, мадам, мне пора, мадам… и через секунду хрустальный замок воспоминаний рассыпáлся на мелкие осколки.

Обычно, после такого окончания беседы Саул вставал, чтобы попрощаться и потом, в одну тысячную долю секунды, обрушивал водопад обвинений в адрес Розочки, краткий смысл которых сводился к его восхищению подозрением, что она хоть что-то понимает в этой жизни. Он бушевал, говоря по-русски с сильным польским акцентом, пытаясь объяснить своей возлюбленной Розочке, что так с собеседником поступать нельзя, что теперь этот день потерян и что с этого момента они вынужденно просидят в болоте бездействия на этом чёртовом балконе до захода солнца. Ведь прохожие в Лос-Анджелесе большая редкость, на что была даже придумана пословица: Nobody walks in L.A. Да, пешеход здесь – вид экзотический, тем более на поверхности нашего патио…

Но если собеседник оказывался русским, вернее, советским, и произносилось имя известного художника, Розочка брала бразды правления в свои руки. Теперь Саул тоже стано-

вился недовольным. Хотя ему и нравилась идея этой балконной компании и жизнь его наполнялась смыслом, он, тем не менее, никак не мог смириться с мыслью, что Розочка всё-таки что-то понимает в этой жизни! Тогда проявлялось точно такое же возмущение, с тем же придыханием несогласия, и Саул вскоре исчезал в коридоре своей квартиры. Хорошо, что возраст давал ему повод непредсказуемо часто посещать туалет. По возвращении он всегда отпускал комментарий на любую тему и садился на стул, положив руки на трость. Розочка гордо светилась от осознания своей способности переворачивать мир и использовать неотразимое женское обаяние (особенно веком раньше), и делилась своими полувыдуманными историями.

Её второй муж был очень влиятельной фигурой в тот период существования СССР, когда население работало на правительство почти бесплатно и взамен имело бесплатное жильё, здравоохранение, детский сад, школу и высшее образование. Поэтому, быть человеком у власти означало не только обладать способностью нести огромную ответственность, но и давало массу благ в виде персонального автомобиля с шофёром или дачи для отдыха у неглубокой, но симпатичной речки.

Этот калейдоскоп плохо связанных отрывочных фактов был стянут узлами надуманности повествования Розочки, цель которого заключалась лишь в том, чтобы как можно дольше удерживать собеседника в тюрьме своих снов наяву.

Её золотые серьги, болтавшиеся в ритме беседы, блёстки серебра, золота и изумрудов на руках отвлекали внимание от морщинистого лица и ярко накрашенных в понедельник утром губ. Она многое знала и хотела об этом рассказать, чтобы её истинное богатство перетекло в этот информационный мир, в котором она уже чувствовала себя потерянной.

Если она позволяла кому-то уйти, она всегда брала с собеседника обещание вернуться и выслушать её историю до конца.

«Дальше будет гораздо интереснее. Вы ещё самого главного не знаете, – говорила она ему. – Приходите!!!»

Её дочь Бэллочка, 65-летняя дама с прекрасным вкусом, работала в Ленинграде художником-рисовальщиком, а теперь жила неподалёку в доме, принимающем восьмую программу. Она почти каждый день навещала маму, проводя время на балконе, что-то бубня вполголоса. У неё была привычка курить. В ней уживалось противоречие между её интересом только к одежде и ничему более, и способностью без умолку говорить. Когда наступал калифорнийский вечер, заливая город своим густым туманом, а фонари начинали робко пропускать оранжевый свет вокруг домов, Бэллочка прощалась с мамой и спускалась с балкона. Розочка, довольная результатами дня, снимала шляпу и уходила смотреть новости, идущие на российском канале.

Эта история получения информации советскими эмигрантами (и не только) была важной страницей жизни. В 1996 году связь была примитивной, дорогой и неустойчивой. Если я правильно помню, минута разговора по телефону через океан стоила почти 6 долларов. А это – стоимость одного стейка! Поэтому, предпочтительнее был эпистолярный жанр, и первые горькие дни иммигрантов часто скрашивались долгожданным письмом. Но специальная связь, появление Интернета и кабельного телевидения кардинально улучшили нашу жизнь! По одному только взгляду на здание можно было сделать вывод о его обитателях. Чем больше спутниковых тарелок стояло на крыше, тем больше там жило иммигрантов. Мобильные телефоны ещё не появились и все пользовались так называемой стационарной линией. Ах, эта волшебная жизнь!!! Во-первых: любой мог уйти из дома, не опасаясь пропустить что-то важное, а во-вторых: были свободны все руки, а не одна!!!

Вместо рассеянных взглядов, закушенных губ, мозолистых указательных пальцев у нас была возможность видеть, говорить и прикасаться к людям. Это была почти физическая энергия, постоянно передаваемая от человека к человеку. И её запутанный вихрь втягивал нас в постоянную потребность говорить.

Самой популярной причиной привлечь внимание прохожего в нашем дворике было письмо – ещё одна экзотическая субстанция сегодня, но очень активно используемая в те годы. Поскольку письменный язык был английским, то это создавало огромные проблемы с пониманием и правильным ответом у бóльшей части жильцов нашего здания. Соответственно, как только представители апартментов 01, 02, 03, 05, 07, 08, 09, 10 и 11 видели кого-то более или менее говорящего по-английски, тут же громко кричали своему спасителю, зазывая к себе на крыльцо/балкон, размахивая заранее открытым конвертом.

#01 прибыли в США на месяц позже нашего. Они были застенчивой парой и всегда двигались вместе в любом направлении. Будучи ленинградцами, они были хорошо образованы, воспитаны и прекрасно говорили по-русски. #05 Вовик также сыграл в их судьбе важную роль, приняв сумму для старика-сефарда, чтобы облегчить процесс приобретения жилья. Мне кажется, что эта традиция раздачи взяток настолько глубоко заложена в нашей природе, что её нельзя называть коррупцией. Это – последний способ разрешить любую проблему быстро и эффективно. Добрые человеческие отношения, сопереживание и сострадание ещё никто не отменял. Но в жизни всегда есть риск, и риск этот должен быть вознаграждён.

Привыкшие раздавать деньги в виде взяток налево и направо в своей родной стране бывшие советские, (а теперь – настоящие американцы), не могли принять мысль о чаевых, регулярно оставляемых в ресторанах. Безусловно, мир – это калейдоскоп несочетаемых вещей. Платить деньги за уже выполненную работу и потом давать за то, что она выполнена – это всё равно, что привязывать опавшие листья. Для постсоветского эмигранта не было ничего более непонятного и неприемлемого в американской жизни, чем культура чаевых. Даже налог с продаж или перекрёсток с круговым движением имели более-менее какой-то смысл, но чаевые…!!!

Жильцы номера 01 во владении языком были совершенно безнадёжной парой. В их английском было две фразы: «nicht schießen» и «essen». В остальном они использовали литературный русский язык с хорошим произношением и обширным словарным запасом. По причине этой лингвистической безнадёжности они всегда звали кого-нибудь на помощь. Их дети жили в Беверли-Хиллз, работали врачами и наслаждались хорошей жизнью. Однажды они приняли решение перевезти родителей в Лос-Анджелес и, о чудо, пожилая пара оказалась на побережье Тихого океана. Документальный процесс шёл в мягком режиме, и адаптация не шокировала. Номер Ноль Один (Зяма) никогда не говорил плохо о своей Родине и никогда не интересовался частной жизнью жильцов 1143. Зато Зяма много читал. В то время, когда он не читал, он готовил на кухне. Слава Богу, супермаркет был в двух минутах ходьбы, а разнообразие продуктов было способно развеселить даже мудрого человека. Зяма всегда смотрел на товары с волшебной пометкой SALE и пользовался своей дисконтной картой. Особенно он любил покупать рыбу в консервных банках, укрепляя свою справедливую веру в американскую пищевую промышленность.

В советскую бытность Зяма овладел всеми возможными специальностями и успел поработать на бесчисленном количестве производств. Одно это уже делало из него необычного еврея, который предпочел карьеру адвоката, банкира или доктора обеспечению граждан огромной страны самым необходимым. Например, этикетками на консервных банках. Это, конечно, вам не Шишкина печатать, но без этикеток пищевая промышленность существовать тоже не могла. Эта художественная деятельность наложила отпечаток на повседневную и достаточно монотонную жизнь пожилого иммигранта, не столько развлекаемого, сколько досаждаемого непониманием английского языка. По большому счёту, половину дня съедал процесс вскрывания многочисленных писем и последующая попытка понять их содержание. Вторую половину занимало приготовление пищи, отказаться от которого не мог никто из вновь прибывших по причине совершенно безвкусной еды в ресторанах США, а заодно и экономии денег. Так что, поход в супермаркет или на рынок нёс в себе экономическую, а также образовательную

миссию, расширяя словарный запас не хуже учебника Нелидовой и Тодда. В нашем районе русских магазинов не было, поэтому за привычными продуктами и деликатесами приходилось ездить в Голливуд. Там, в этом клондайке, всего было так много, что не хотелось уезжать…

Эта мечта о непрекращающихся колбасных дождях, нетающих сугробах шоколадных конфет и бесконечных развалах клубники, киви и манго по ценам «ещё – во – всем – городе – поискать» реализовывалась на каждом перекрёстке в виде частных магазинов. Каждый из них представлял ту самую «американскую мечту», о которой коренные американцы уже и понятия не имели: быть самим собой! В каждом из этих магазинов был «СВОЙ» набор продуктов, который до боли походил на набор в магазине напротив. Но эта бриллиантовая пыль американской мечты застилала глаза владельца. Дальше своего прилавка (его вселенная дальше прилавка не распространялась), он не видел, и в ушах его звучала волшебная (космическая) музыка гудения холодильника, где через запотевшее стекло на редкого покупателя глядела дюжина срезов аппетитных сервелатов и разного вида копчёности рыба. Мочёные яблоки, квашеные помидоры и малосольные огурцы в соседней витрине превращали даже случайно забредшего в магазин американца в голодного покупателя, и идея попробовать русское мороженое из Литвы, продаваемое армянкой в еврейском магазине реализовывалась в стопятидесятидолларовую покупку, в которой фигурировал и никогда ранее не пробованный холодец.

Вообще, в этом магазине можно было жить. Тепло, светло, уютно и знакомые с детства этикетки на всех полках. Иногда, правда, подтапливал когнитивный диссонанс, когда в поле зрения попадала красная упаковка печенья АНЁЛА. Тут мозг притормаживал, но потом опять продолжал накручивать педали в сторону прекрасного будущего, выдав себе многообъясняющее заявление «ну, вы же понимаете»… Отдельный угол был выделен под всем с детства знакомые лекарства и лечебные травы. Так как они уж точно не проходили стандарты FDA, то потомкам Бродского и Галича приходилось продавать горчичники и алахол как пищевые добавки.

Покупатели это понимали, (наш народ, вообще, оказался очень способным понимать на каком-то почти уровне осанки или интонации голоса) и не требовали каких-то сертификатов или разрешающих бумаг. Единственное, куда они обращали свой внимательный взор, так это на дату производства или хранения. Какая-то непонятная зрительная память выдавливала образы волшебных свойств парацетамола или бриллиантового зелёного и заставляла всех этих «бабушек» с новыми хрусталиками долго вглядываться в полки позади продавца, мешая ему тонко нарезать докторскую колбасу. При всём разнообразии американской медицины наш народ продолжал ходить по «своим» докторам, совершенно верно полагая, что выживший потомок репрессированных в 37-м уж точно знает и умеет больше, нежели местный наследник владельцев розовых Кадиллаков 50-х. Мало того, что пациент не испытывал никакого языкового барьера, он, к тому же ещё получал дозу психологической поддержки в виде шуток-прибауток и новых рецептов шарлотки или рулета из тортийи. Помимо этого, у доктора или медсестры всегда можно было поинтересоваться наличием знакомых, продающих автомобиль или сдающих квартиру. А уж поделиться телефоном автомеханика было просто обязанностью. Nobody walks in LA – говорили они, быстро осознав эту необходимость иметь автомобиль.

У Зямы не было автомобиля. У Зямы никогда не было автомобиля! Почти всю свою жизнь он прожил в центре Ленинграда и никогда не испытывал необходимости в личном автотранспорте. Что меня всегда в нём поражало, так это какая-то неизмеримая положительная энергия. Будучи небольшого роста и классического французского телосложения он напоминал сову из мультика про Винни Пуха, особенно когда читал. Читал он много. В 90-е годы советские ашкенази прибывали в страну своей мечты с полным собранием сочинений Чехова и набором алюминиевых кастрюль в отличие от иранских сефардов, приехавших в 1979-м с мешками денег и бриллиантов. Все эти книги каким-то непостижимым образом оказывались сначала

в местных русских магазинах, в том числе и продуктовых, а потом и в местных городских библиотеках.

В Санта-Монике, например, полки с книгами на русском языке занимали третье место. Все-таки, испанский в Калифорнии требовал своего присутствия, не столько исторически, сколько физически, хоть и не пользовался спросом. Зяму же можно было застать стоящим почти в анабиозном состоянии среди стендов с книгами медленно перебиравшим страницы. Там же, и почти в таком же анабиозе, в проходе стояли ещё два-три наших человека, иногда интересуясь у соседа его мнением о сложности стиля Сарамаго или стойкости Солженицына. Зяма не интересовался такой многослойной подачей материала и носил домой исключительно детективы, в которых сложнейшие меандры судеб человеческих и события вселенского масштаба были описаны предложениями из трёх слов.

Читал он их всегда сидя за столом возле окна. Солнечные лучи, такие редкие в его любимом Ленинграде, теперь обильно пробивались сквозь почти советский тюль и нежно касались переворачиваемых страниц. В этом свете читаемые книги казались ещё старше, несмотря на недавний год выпуска. Объяснялось это тем, что предприниматели ельцинской эпохи выдавливали максимальную маржу из своей деятельности, так что большинство напечатанных на газетной бумаге книг поневоле превращалось в жёлтую прессу несмотря на своё классическое содержание. Зяма переворачивал страницу и от книги отделялся запах открытий. Тот самый запах старой книги, которая вот-вот уже скоро перестанет существовать. Порвётся, рассыплется или выйдет из популярности, но пока самоотверженно ведёт читателя в мир грёз.

Ближе к обеду Зяма вставал из-за стола, убирал книгу и начинал готовить. Благо, что план их квартиры был почти идентичен хрущёвскому и кран, холодильник, плита и мусорное ведро находились в пределах досягаемости руки. Как-то так в мире устроено, что много и часто готовят на маленьких кухнях, а редко и мало – на больших. В многомиллионных калифорнийских домах на огромных кухнях с мраморными полами и набором медных сковородок блестяще свисающих с потолка и островом-каунтером посередине, едой вообще не пахнет! Единственное, что в этих хоромах можно обнаружить в трехкамерном холодильнике SubZero – так это набор йогурта, или пива, в зависимости от пола владельца. Иногда в углу на полке поблескивает плесенью подзабытая коробка с остатками китайской еды, оставшаяся нетронутой после последнего похода в ресторан. Традиция забирать недоеденное с собой шокировала постсоветских не меньше идеи чаевых!

Но для Зямы утро начиналось с похода в магазин. Он, мне сдаётся, вообще любил открытия и неважно, на каком языке они были представлены. Так же как и в библиотеке, он впадал в кратковременную спячку-ступор возле бесконечных полок с продуктами питания. Больше всего ему нравилось стоять среди рядов консервов. Там он чувствовал себя дома и было неважно, где этот дом географически находился. Будучи вывезенным из Ленинграда во время блокады и потеряв крышу над головой в первый раз, ему нужна была опора, хотя бы в уверенности наличия еды. Тогда мальчишкой он понял, что дом там, где есть еда. И этот безликий серый мегаполис Лос-Анджелеса с его холодными утренними туманами топил Зяму душной ностальгией по его мостику со львами и одновременно удерживал в консервном раю, где он сравнивал каждую банку лосося в масле с тем образом, который ему достался от Родины. К консервам у него была патологическая любовь и такой же силы воображение относительно рецептов приготовления. Проработав полжизни в типографии, где помимо репродукций «Незнакомки» и «Утра в сосновом лесу» печатались ещё этикетки на «Завтрак туриста», он знал наизусть весь артикул продукта, производимого пищевой промышленностью СССР

.И конечно, проживая в культурной столице, он не мог не видеть разнообразия блюд в её ресторанах и кафе. Поэтому, вылетев с орбиты разрывающейся тогда на куски страны, Зяма тихо зависал в проходе консервного ряда и подбирал ингредиенты для сегодняшнего обеда. Он почти ничего не знал о йоге или аюрведическом питании, но вкус и опыт у него были

фундаментальные. Что ему оставалось делать, будучи полным сил и знаний и оказавшимся никому теперь ненужным в незнакомой стране?

На кухне он оперировал какими-то маленькими ёмкостями, кастрюльками, сковородочками, ножичками и тарелочками. Что у него в обиходе было полноразмерного, так это хрустальные рюмки и гранёные стаканы, тоже привезённые из владений Рюмочной номер 1.

Я, проходя мимо его приоткрытой решётки двери, часто слышал шипение чего-то жарящегося и иногда останавливался, чтобы вглядеться в полумрак комнаты. Это было опасно тем, что если вдруг Зяма меня замечал, то с остатками дня можно было прощаться. В буфете у него всегда стоял коньяк, а в холодильнике – водка.

– Вовочка!!! – радостно вскрикивал он и шёл мне навстречу с весёлкой в руке. – Заходи, дорогой! Ты это только попробуй! Какие у меня малосольные огурчики получились! Новый рецепт узнал!

Зяма был моим персональным психоаналитиком. И конечно, бесплатным. В определенный момент в стране развитого капитализма обязательно случается кризис и всё население болезненно и быстро переучивается на новые технологии, вызванные изменившимися условиями. Поскольку США – это не страна, а бизнес-проект, то и вся жизнь крутится вокруг него. И вот однажды, после очередного кризиса наступает период по звучанию сильно напоминающий название популярного пушного российского зверька. Соответственно, многие не могут справиться со своим психологическим состоянием и нуждаются в помощи.

А помочь – некому. Но, не в моём случае! Картины мои в 2005-м внезапно перестали продаваться и, из вполне достойных банковских накоплений, остались нули без палочек. Перебиваясь какой-то подработкой, я всё глубже и безвозвратнее погружался в вязкое болото непрухи. Незаконченные картины висели по стенам и стояли рядами в гараже без всякой перспективы обрести новый дом.

Зяма об этом не знал. У него всё было замечательно и пособия по бедности хватало с лихвой. Он просто хотел поделиться счастьем по простоте своей и открытости душевной! «Что у тебя есть-то?» – хотелось заорать во все горло, понимая, что ни автомобиля, ни разбухших банковских счетов у Зямы не было. Всё что у него было – это добрая и внимательная жена, успешная дочка и внуки, плюс бесплатная медицина с велфером. С точки зрения гражданина ельцинской эпохи – счастливейший человек на планете Земля. С точки зрения обладателя «Бентли» в Беверли-Хиллз – непонятно каким образом существующий неудачник, и уж никак не временно бедствующий миллионер. Однако его наслаждающаяся полётом звезда ярко бороздила пространство эмиграции и хотела поделиться своим светом с наибольшим количеством людей. И если в его луч попадала моя постная физиономия, то Зяма никогда не расспрашивал меня о делах, а безапелляционно заявлял:

– Мыть руки и к столу!

На столе уже стояла какая-нибудь открытая консерва с подозрительным продуктом, заканчивала своё шипение сковорода и волшебным образом появлялись лафитники. А вот дальше начиналось таинство, подробности которого не имеет смысл описывать, потому что дело там было не в словах, а в чем-то невысказанном. В том самом, обо что бьются тысячелетиями своими мудрыми лбами философы в попытках дать ему определение. В том самом, чего собеседник не может пересказать и, смущаясь, говорит: «Это надо только видеть!»

Выходил я от него всегда с той полной уверенностью в завтрашнем дне, которой так искренне гордились советские жители времен Брежнева и безнадёжно юморили при Ельцине.

Никогда в своей жизни не знавший цену ни одного продукта ТАМ, ЗДЕСЬ, в Америке, Зяма был ходячей энциклопедией. У него всегда был набор купонов на скидки и распродажи и он овладел навыками пользования почти незаметного в ЛА общественного транспорта. Единственные магазины, которые его всё ещё смущали – были одёжные. Надо вам сказать, что любого постсоветского иммигранта поражала американская непритязательность

к своему внешнему виду; и миллионер, выходящий из своего Рендж Ровера в трениках с пузырями на коленях был такой же привычной картинкой, как и полное отсутствие цветов перед его 10-ти миллионным домом. Но постсоветскому иммигранту эти стандарты внешнего вида были чужды, поэтому он даже мусор традиционно выносил в причёске и макияже, и, если уж не в вечернем платье, то уж никак не в шлёпанцах!

Так же происходил и вечерний моцион, наполнявший пустые улицы Голливуда и Санта Моники бабушками и дедушками в свежепостиранных рубашках и, на их вкус модных безрукавках, делающих всех мужчин либо тургидами, либо фотографами, и в почти новой обуви, часто на каблуках. Для жителей всех стран мира улица – это инструмент общения. И только для США улица – это кратчайший путь из точки А в точку Б! Поэтому там нечего рассматривать. И я бы уделил этому сюжету больше времени, но эта тема не для моих героев. Единственное, что я могу сказать в оправдание американской простоте – так это про её пуританское происхождение. Как вы лодку назовёте – так она и поплывёт…

Зяма и его жена Анечка тоже выходили гулять по вечерам. Забавно было наблюдать за этой трогательной парой, идущей под ручку (чего никогда не делают американцы) и встречающей на тротуаре знакомых. Далее начиналось получасовое собеседование и, раскланявшись, медленное продвижение по периметру квартала, или, как они уже говорили на местном диалекте: блока.

Пример свободы и родина «Я», пишущегося с заглавной буквы, была вся поделена на блоки, рассечённые северо-южными и западно-восточными направлениями, напоминая сверху военный лагерь времен древнеримской империи. Потеряться в такой стране было невозможно, так же как и насладиться изгибом итальянской виньетки. Нагулявшись и обсудив последние события, Зяма и Анечка возвращались к телевизору и, поставив на плиту чайник, смотрели только русское телевидение. Благо, что тарелки на крыше уже позволяли оставаться в курсе событий, неважно в какой точке Земли находясь.

И райскому этому счастью не было бы предела, если бы однажды ночью Зяма, присев на краю кровати, не сказал: «Кажется, я умираю…» и умер. Вот так, в один миг, никого не мучая своей старческой беспомощностью или проблемами, взял и ушёл из жизни… И остался я со своими психологическими вопросами один на один, а жена его Анечка – в совершенном недоумении от поступка Всевышнего…

По соседству с номером ноль один обитала тоже пожилая семья и тоже из постсоветского пространства. Прожили они там недолго и через какое-то небольшое количество утренних приветствий переехали в другую часть города. А в их апартмент въехала одинокая американская мамаша, положившая конец нашему беспредельному постсоветскому общению. Она явно сидела на пособии по бедности, а может быть и ещё на каком-нибудь дополнительном пособии. Такими подробностями в Америке интересоваться было не принято.

США – это идеальная страна для тех, кто исповедует принцип «Мы пройдем с тобой нашару по всему Земному шару!» Если хотя бы немного использовать свои мозги и подходить к процессу «грабь награбленное» творчески, то с этой богатейшей страны можно было поиметь такого, о чём даже руководителю горкома в розовых снах не снилось. Например, народ регулярно несильно разбивался на своих же автомобилях, предварительно насажав туда кучу пожилых друзей. Потом все долго ходили по «своим» докторам и «лечились». Страховку делили на троих: себе, доктору и адвокату. Разводились и продолжали жить вместе, но теперь получая какие-то вспомогательные выплаты, которые полагались одиноким родителям. Шли к «своим» докторам и оформлялись на «дженерал релив», что означало примерно следующее: голова предмет тёмный и исследованию не подлежит или; по крайней мере, на инвалидный беджик, позволявший не платить за уличную парковку и ставить автомобиль почти у входа. Соответственно, пациент уходил на пенсию по нетрудоспособности и, судя по внешнему виду боль-

шинства наших соседей из здания 1149, эта тема проходила «на ура» не только среди постсоветских эмигрантов.

Зато здравомыслящие американцы без устали работали по 12—14 часов в сутки, и даже в субботу, и часто без отпусков. То есть, в этой стране любой человек, совершенно любой, мог найти себе слой жизни, который бы его полностью устраивал. Хочешь работать – работай! Не хочешь – не работай! Хочешь быть миллиардером – будь им! Не хочешь – сиди, бомжуй. Никто тебя за это не осудит. Не имеешь, дескать, никакого морального права раздавать непрошенные советы. Но если попросили – помоги! Giving is receiving! И это не просто слова. Это – философия жизни американского пуританского общества.

Конечно, всякое в жизни случается, и иногда полупьяная вечеринка через девять месяцев приносит плоды и тогда эти плоды надо собирать и за ними тщательно ухаживать. Кристинка, соседка номер ноль два, так и не удостоилась прозвища или клички, в раздаче которых так славен наш народ, и жила как-то тихо. К новорожденной от мексиканского никогда не появившегося папы девочке приходили бабушка и дедушка. Дедушка походил как-то совсем недолго, заболел каким-то странным расстройством глотательного рефлекса, отказался от кормления через трубку и покинул мир только что образовавшегося счастья. Похорон не было. Сама Кристинка про это печальное событие говорила мало. Как, впрочем, и вообще. Хай, бай, – вот и весь диалог при встрече. Будучи типичной белой американкой, она с трудом понимала наше произношение, хотя нам казалось, что мы старательно выговариваем все буквы и звуки. А вот тут-то, оказалось, и лежит самый большой секрет в изучении английского в его американском варианте. Он заключается в том, чтобы наоборот, ничего не выговаривать, и даже лучше всего, положить за каждую щёку по ореху или горячей картофелине. Вот тогда ваш американский будет идеальным!

С увеличением веса новорожденной странным образом рос и вес мамы. Вскоре Кристинка стала похожа на бурого медведя по размерам, к тому же она часто заявляла, что она так привязана к своей дочурке, что её можно называть bear mom, или попросту: медведицей. Девочку назвали не то Сиеррой, не то Сьярой, но никак ни Сарой, это точно. Тем более, что была она типичная протестантская пуританка. Никаких гостей в апартменте ноль два мы никогда не видели и, уж тем более, туда никогда не входили одинокие мужчины. Так она и прожила все двадцать лет в футболке, облегающей её жировые спасательные круги, и в шортах, показывающих копии ног одной известной советской звезды. Сиерра/Сьяра выросла и поступила по дотационной программе в хороший институт, который с отличием и окончила. Была она чистым порождением американского сообщества и за все двадцать лет соседства посвятила нашему общению от силы секунд двадцать (это выходит одна секунда в год). И это – не сарказм. Из хрупкого подростка она трансформировалась в медвежонка женского пола, а потом и в медведицу. Но пока ещё – не маму. Бойфрендов за нею не носилось. Видать, сказывалась мамина парадигма невербально переданная за эти годы.

Что меня поражало в американских соседях – так это полное отсутствие покупательной активности насчёт продуктов питания. Санта Моника бульвар, к примеру, в районе Фэрфакса радовал глаз табунами сарочек и фим с полными пакетами во всех руках, всё ещё ненашопившихся и полуголодных, входящих/выходящих в/из разных там «Арбатов», «Одесс», «Каштанов» и «Вишнёвых садов». Так они, на каблуках и в прическах, с золотыми пуговицами на двубортных пиджаках, входили в многоквартирные комплексы и чудесным образом, почти без рук открывали решётчатую калитку, протискивались в проход и счастливо выгружали свои покупки в холодильник, по размеру напоминавший Жигули-копейку. Я практически никогда не видел, чтобы мои американские соседи несли еду из супермаркета домой.

С другой стороны, надо как-то объяснить их неестественную полноту. Ведь если в дом еда не втаскивается, то чем же тогда обеспечивать энергетические запросы организма? Чуть позже я убедился, что даже нищие американцы дома не готовят. Средний американец питается два-

жды в день out, говоря на местном диалекте. Вне дома. И не важно, живёт ли он в субсидированном жилье, или в многомиллионном доме, запах кипящего в оливковом масле чеснока на собственной кухне этому пуританскому народу незнаком. В зависимости от толщины кошелька американец питается либо продуктом подешевле, либо – подороже. В случае с «подороже» ему приходится ещё и подождать, пока басбой, а потом и вэйтор соблаговолят обслужить. Более требовательный едок обужен ещё и часами работы ресторанов. Так что после 10 вечера ему уже светит разве что традиционный Макдоналдс, потому что даже трудолюбивые китайцы не выбиваются из стаи и в 11 вечера вешают замок на дверь. Так что, популярное с позавчера заявление: «Я ПОСЛЕ ШЕСТИ НЕ ЕМ» вполне может иметь своё объяснение: «Дык, раз нечего и негде, то как?».

Местным жителям все эти посиделки у кого-то в квартире были незнакомы. Другое дело: советские и постсоветские встречи и общение за огромным накрытым столом! Праздник то был, или чей-то день рождения, или заветная грин карта в письме прителепалась – всё это был повод собраться и поддержать друг друга в трудную минуту. Это там, сидя на продавленных диванах, купленных на гаражах-сэйлах, локтём локтя касаясь, мы пили чай из ломоносовского фарфора, привезённого в Америку вместе с полным собранием сочинений Чехова. Это там мы негромко пели песни про наш батальон и огонь смертельный. Там и тогда делились мы находками, помогавшими устроиться в новой жизни.

Однако этот период продолжался недолго. Новые постсоветские страны, а также их представители, разбежавшись по разным уголкам планеты, вдруг обнаружили в себе уникальную оригинальность и стали её внимательно разглядывать и пестовать. В результате чего: аджика, вареники и плов вдруг перестали быть русскими блюдами. Многие эмигранты вдруг осознали необходимость кошера, по крайней мере, в питании, и как-то всё стало поваливаться набок. Первым из жизни ушёл праздник 7 Ноября. Это было даже как-то естественно. В ноябре в районе Лос-Анджелеса наблюдается очень сухая, жаркая и ветреная погода. Температура +40 и ветер со скоростью 100 км в час, бьющий в стены домов, как-то мало способствовали включению газовой плиты и постановки в духовку мяса по-купечески с сыром и луком наверху. К тому же, вроде неделю назад уже оттусовались на Хэллоуине, празднике хоть и ненавистном и непринятом, но отмечаемом в костюмах, со столом и концертом. Не забываем, что уже через три недели в очереди стоял другой праздник: День Благодарения, такая странная смесь советского Нового года и Пасхи. В это время народец уже вовсю нарезал круги по местным супермаркетам с целью купить индейку побольше и подешевле. И дело тут было совершенно не в экономии! Постсоветский иммигрант продолжал охотиться за всем, что имело ценность. Раз слово «достать» было полностью ликвидировано американским изобилием, наш народ создал понятие «на сэйле» и с его помощью обзаводился чем-то необыкновенно редким по цене чего-то никому ненужного.

Потом отпала Пасха, потому что ей было трудно соревноваться с Пассовером, который внезапно уверовавшие ашкенази начали активно отмечать. Мацой, конечно, не разгуляешься, но если все вокруг только об этом и говорят – как же человек против племени пойдёт? Потом отвалился Первомай. Рональд Рейган забил такой осиновый кол в грудь профсоюзному движению, что возжелавшие новой жизни эмигранты были готовы тоже на него забить и работать по двенадцать часов в день, полностью игнорировав заявление своего же единоверца, написавшего «Капитал» и намекнув насчет взаимной корреляции свободного времени граждан и богатства общества. Тем более, что в этой уникальной стране не только температура измерялась в одной ей понятных фаренгейтах, вес в фунтах, а высота гор в ступнях. Эта волшебная самодостаточная страна отмечала день труда в первый понедельник сентября и переводила часы на летнее/зимнее время не тогда, когда это делала Европа и весь остальной мир, а тогда, когда сама считала нужным.

Рождество 24 декабря так и не прижилось по той же причине, что советский эмигрант был точно не католиком… В первые годы нашего приспосабливания к новым условиям мы ещё недоумевали: почему американцы не ходят в гости? Лишь чуть позже я узнал многообъясняющую техасскую пословицу: «Если ты видишь дым из трубы соседа, то ты живёшь слишком близко». Это не хорошо или плохо. Это просто так есть. Ковбой в соседях не нуждается. У него справа револьвер, слева сковородка и лошадь между ног. И никто и нигде ему не указ. Такой себе сам-с-усам.

Как только смысл этой пословицы дошёл до меня, так Америка открыла мне свои секреты. Всё везде может быть как угодно, но лишь бы не в моём огороде. Оказывается, есть даже такая парадигма и по-английски она красиво звучит как NIMBY: Not In My Back Yard!

Апартамент номер три, в котором мы прожили целых шесть лет и вправду оказался очень счастливым и везучим. Денег нам хватало и даже накапливалось. Культурная жизнь била ключом и появилась возможность ездить по миру. Солнце светило, перспективы открывались. Ну, чем не счастье!? Тут надо сказать, что Господь – он всё видит и однажды он решил, что радоваться должны и другие и послал нам ещё одного сына. Как тут не обойтись без чуда, которое я вкратце и опишу.

Когда Вовик из ноль пять заселил половину дома своими протеже, а сильно пожилой сефард отправился к могилам предков в Иран, случается метаморфоза и здание приобретается городской корпорацией, которая, как и положено новой метле, решила искоренить коррупцию на бытовом уровне и назначить нового менеджера из своих саксонов, каковой и оказалась наша соседка из апартмента номер шесть. Была эта типичная американская одинокая мамаша чуть ли не копией представителя апартмента номер два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.